

му) и при бескомпромиссности поступков, и при лавирании.

В. Западов рассматривает грибоедовскую комедию в контексте предшествующей и современной драматургии культуры — в частности языковой и стиховой. Он справедливо утверждает (и подтверждает конкретным анализом), что опыт предшественников для Грибоедова — не подражание образцам и не почва для случайных реминисценций; поэт сознательно рассчитывает, что читателю и зрителю хорошо известно то или иное литературное произведение, что они сумеют дополнить эпизод комедии ассоциациями, подсказанными цитатами (явными или скрытыми), которые автор счел нужным напомнить. Эти наблюдения очень ценны для понимания одного из существенных проявлений литературной преемственности — так, как она воспринимается читателем.

Стих «Горя от ума» со времен Б. В. Томашевского почти не изучался. Е. Маймин, отталкиваясь от труда выдающегося филолога, существенно дополняет его. Так, исходя из положения Белинского о драматургической природе басня, Маймин показывает, что «Горе от ума» сильнее связано с традицией басенного стиха, чем это кажется на первый взгляд: и там и тут человеческая речь предстает в стихе в своем живом интонационном облике. Понятны наблюдения над тем, как ритм комедии находит себе смысловое, ситуационное оправдание в том или ином эпизоде.

Предмет статьи Л. Суражевского — язык «Горя от ума» в контексте истории не только русского литературного языка, но и бытового языка грибоедовской эпохи, в русле речевой стихии образованного общества и конкретно того круга, в котором вращался автор пьесы. Сопоставительный анализ комедии в этом плане с перепишкой грибоедовских современников очень интересен, да и само введение в научный оборот эпистолярного материала — вполне в духе стремлений современной филологической науки.

Две статьи посвящены мотивам «Горя от ума» в русской классической литературе. И. П. Смирнов сопоставляет грибоедовскую комедию с «Бесами» Ф. М. Достоевского. Предпринятый им анализ подтверждает закономерность постановки темы, однако недостаточно прояснено содержание некоторых употребляемых автором понятий и терминов применительно к историко-литературному контексту эпохи. Не совсем понятны критерии «ценностных классов», на которые исследователь подразделяет героев Достоевского (с. 105), неясно, в чем заключается структурная тождественность (с. 107) сцен грибоедовской комедии — во всяком случае, на тексте она не показана. Может быть, следовало сократить в первой части статьи число сюжетных и текстуальных параллелей (подчас случайных), зато больше внимания сосредоточить на том, что, по мысли И. П. Смирнова, выявляет

«скрытую» структурную общность текстов» (с. 104)? Статья Л. К. Долгополова и А. В. Лаврова представляет собой обстоятельный обзор литературного восприятия «Горя от ума» на рубеже XIX и XX вв.

В статье Ю. А. Головащенко приводится много интересных данных о театральных интерпретациях «Горя от ума» — без этого аспекта немислимо изучение драматического произведения. Особенно важен рассказ о трудностях, подстерегавших исполнительницу роли Софьи, и это тем более важно, что в аргументации литературоведов, так или иначе трактующих этот образ, его сценическая история — аргумент неизменно важный.

Сейчас во всем мире идет интенсивный процесс обновления переводов произведений мировой классики. Поэтому весьма своевременно появление статей Н. Шадрина и В. Петухова, посвященных этой проблеме (последняя касается также сценической истории «Горя от ума» в Болгарии).

О текстологической статье С. А. Фомичева делать выводы еще рано: данные таких работ проходят капитальную проверку при подготовке новых изданий текстов (кстати, необходимость академического издания сочинений А. С. Грибоедова она доказывает весьма убедительно). Однако и теперь можно сказать, что эта работа содержит немало ценных наблюдений — она написана человеком, основательно уже потрудившимся над установлением подлинности многих грибоедовских текстов.

Статья П. С. Краснова представляет мало известного даже литературоведам, не говоря уже о других читателях, Грибоедова-прозаика. Статья С. Свердлиной расширяет наши представления об идейной сфере, в которой создавалось «Горе от ума», вводя в нее новые лица и даже новые общественные группы. Данные этой работы нужны не только для изучения биографии и творчества Грибоедова, — не столь уж многими сведениями располагаем мы, например, о близком к декабристам обществе «Военных друзей». Привлекает и стремление преодолеть стереотип некоторых репутаций — тот же Булгарин не всегда был одноозной фигурой, и уж во всяком случае долг историка — не шельмовать, а изучать своих «героев».

Работа В. Э. Вацура о романе В. С. Миклашевича, прототипом одного из героев которого явился Грибоедов, еще раз напоминает нам, сколь важно для истории литературы изучение писателей второго и даже третьего литературного «ряда». Что же касается публикаций трудов Н. К. Пиксанова, то Пушкинский дом традиционно выступает в роли первооткрывателя и пропагандиста классики советского литературоведения.

Конечно, отдельные положения той или иной статьи нуждаются в корректировке. Но значительная научная ценность книги в целом безусловна.

А. Ходоров